

КОНЦЕПЦИЯ «СИЛЫ» В НЕМЕЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б. Е. Зарицкий

Пожалуй, ни один комплекс идей не оказал такого влияния и не оставил такого глубокого следа в западной политологии, как учение «политического реализма». Провозгласив «борьбу за силу (власть)» главным законом развития общества вообще и международных отношений в частности, основоположники этой школы после ожесточенной борьбы с инакомыслящими на долгие годы фактически монополизировали право на «единственно реалистический» подход к исследованию международных отношений. «Политический реализм» довольно быстро вышел за рамки чисто академических изысканий. Широкое внедрение идей «политического реализма» в сферу практической политики послевоенного периода объясняется не столько новизной его исходных философско-теоретических принципов, сколько тем фактом, что «реалистическая» теория довольно удачно отвечала военно-стратегическим и пропагандистским потребностям американского и западноевропейского империализма. Она должна была помочь оправдать переход от политики сотрудничества с СССР к «холодной войне» против него, к гонке вооружений, служила теоретическим фундаментом и пропагандистским прикрытием для обоснования «закономерности» политической и военной конфронтации между Западом и Востоком. В конце 50-х годов «политический реализм» достаточно прочно утвердился не только в США, но и в Западной Европе, в том числе и в ФРГ. Западногерманский историк Э. Фишер-Баллинг писал по этому поводу: «Ничто не влияет сегодня на наше представление о мире больше, чем учение о силе — некоем демоне, движущем человечество вперед, являющемся причиной вечных конфликтов, препятствующем достижению взаимопонимания, создающем у человечества химеру, что лучше быть уничтоженным, чем пожертвовать своей силой»¹.

Идеи «политического реализма» наложили существенный отпечаток на характер внешнеполитической идеологии стран Западной Европы, но, пожалуй, меньше всего откровений в себе исходные философские принципы «политических реалистов» содержали именно для западногерманской политической мысли, имеющей в области «силовых» концепций собственные традиции, уходящие своими корнями в историю образования Германского государства и специфические условия выхода германского империализма на мировую арену.

Уже в начале XIX в. раздробленность Германии находилась в прямом противоречии с происходившими в ней экономическими процессами, направленными на развитие капитализма. Венский конгресс 1814—1815 гг., одной из задач которого было решение судьбы Германии, не лик-

¹ E. Fischer-Balling. Theorie der auswärtigen Politik. Köln und Opladen. 1960, S. 1.

видировал политическую раздробленность страны. Объективные потребности нарождавшегося капитализма в сочетании с последовавшим после наполеоновских войн бурным ростом национального самосознания в Германии привели к тому, что идея объединения получила поддержку в самых широких слоях населения страны. «Германское единство сделалось экономической необходимостью»², — подчеркивал Ф. Энгельс. Но весь ход буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Германии свидетельствовал о нежелании и неспособности немецкой буржуазии возглавить борьбу за объединение страны революционным путем. Деятельность созванного в мае 1848 г. во Франкфурте-на-Майне Национального собрания, призванного решить вопрос об объединении Германии, положила конец иллюзиям о возможности конституционного, или так называемого мирного, пути объединения.

Победа контрреволюции во многом обусловила тот путь, по которому пошло в действительности дальнейшее объединение Германии. В. И. Ленин подчеркивал в этой связи: «Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контрреволюционно, по-юнкерски»³. Опираясь на мощь прусской армии, О. Бисмарк в результате победоносных войн с Данией (1864 г.), Австрией (1866 г.) и Францией (1870—1871 гг.) осуществил план объединения Германии сверху, на прусско-милитаристской основе. Политика Бисмарка, получившая у современников название «реальной политики», нашла свое теоретическое обоснование в работах ряда крупнейших историков того времени и способствовала формированию определенного типа политического мировоззрения, характеристику которому дал западногерманский историк К. Брахер: «Под воздействием успехов Бисмарка в Германии привыкли считать «реальной» такую политику, которая опирается исключительно на силу, а не на право и мораль. Закономерно, что культ силы стал краеугольным камнем этого мировоззрения»⁴.

Одним из первых теоретиков и апологетов политики Бисмарка был глава немецкой буржуазной исторической школы Л. Ранке, труды которого оказали значительное влияние на развитие всей последующей германской историографии. Он сделал попытку обосновать принципы «реальной политики» на абстрактно-теоретическом уровне, возведя борьбу за силу (власть) в ранг универсального закона, действующего в истории. Концепция государства, предложенная Ранке, опиралась на старую философско-историческую традицию, рассматривавшую государство как результат воплощения «божественной мысли» («абсолютной идеи») в конкретных исторических условиях образования прусско-германского государства. Эта концепция привела Ранке и его последователей к утверждению взгляда на «политику могущества как на органическую жизненную функцию государства»⁵. Ранке считал, что борьба за силу (власть) между государствами не только носит вечный характер, но и способствует укреплению их жизнеспособности. «В битвах, являющихся результатом противоположности интересов государств и народов, — писал он, — зарождается их новая преобразующая сила»⁶.

Характеризуя философско-политическую концепцию Ранке, один из наиболее известных его последователей, Ф. Майнеке, подчеркивал: «В борьбе за власть видел он ту движущую силу, которая создавала все новое, индивидуальное и ценное в истории»⁷. Сходство исходных постулатов Ранке и современных теоретиков «политического реализма» проявляется и в понимании самого термина «сила». Раскрывая свое опреде-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 425.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 120.

⁴ К. Bracher. Das deutsche Dilemma. München. 1971, S. 16.

⁵ См. Ф. Meinecke. Die Idee der Staatsräson. München. 1957, S. 429.

⁶ L. Ranke. Sämtliche Werke. Bd. 3. Einleitung. Leipzig. 1870.

⁷ F. Meinecke. Op. cit., S. 451.

ление «силы» государства как сложного сочетания компонентов материального и нематериального характера, Ранке в известной мере задолго предвосхитил тот перечень факторов государственной мощи, который был предложен «политическими реалистами». В более поздних работах последователей Ранке можно найти уже довольно отчетливо оформленные наброски некоторых компонентов будущей доктрины «политического реализма». Так, основы теории «баланса сил» и формально-теоретические схемы типичных ситуаций, в рамках которых осуществляется этот принцип, напоминающие аналогичные построения Г. Моргантау, можно найти в книге М. Ленца⁸. А столь близкая сердцу сегодняшних «политических реалистов» на Западе «теория устрашения» довольно подробно разработана еще Г. Дельбрюком⁹.

В своих попытках теоретического обоснования, а вместе с тем и оправдания политики Бисмарка Ранке не был одинок. В том же направлении работали не только его ученики и последователи, но и ряд историков других, казалось бы, противоположных, направлений: Г. Лео, В. Дальман, Т. Моммзен и др. Но в наиболее крайних и откровенных формах проповедал рассматриваемую идеологию самый младший представитель прусской исторической школы В. Трейчке, по убеждению которого высшая нравственная обязанность государства заключается в том, чтобы развивать свое могущество. Сила, могущество есть принцип государства! «Сущность государства, во-первых, сила, во-вторых, сила и, в-третьих, сила», — писал он в своей «Политике»¹⁰. Худший порок государства — слабость; лучшая же проба могущества — война. Война, считал Трейчке, составляет «политику по преимуществу». В наши дни взгляды таких «теоретиков», как Трейчке, представляются слишком односторонними даже для значительной части западногерманских ученых. Например, Л. Дехио считает, что Трейчке «до такой степени гиперболизировал значение истории своего народа, что специфика развития молодого германского государства как нечто само собой разумеющееся переносилась на будущее развитие всей мировой политики»¹¹. В значительной степени эту характеристику можно отнести и к деятельности подавляющего большинства историков этого периода, заложивших теоретическую основу «реальной политики».

Преимственность школы «реальной политики» XIX в. в Германии и современного «политического реализма», несмотря на попытки некоторых теоретиков «политического реализма» отмежеваться от своих предшественников, настолько очевидна, что мимо этого факта не могут пройти и западногерманские исследователи. Так, у К. Зонтхеймера вообще вызывает недоумение возможность развития «политического реализма» в отрыве от «реальной политики». «Удивительно, — пишет он, — но превращение силы в основную категорию политической науки произошло не только в Германии. Тезис о том, что политическая наука — это наука о силе (власти), приобрел в англосаксонских странах еще большее значение, несмотря на то, что в этих странах не получили развития силовые концепции государства, столь характерные для Германии в эпоху Вильгельма»¹². Субъективно-идеалистический подход к истолкованию общественных процессов, стремление всю сложность и многообразие явлений политической жизни вместить в узкие рамки более чем тенденциозных концепций, имеющих якобы непреходящее, вневременное значение, — вот что роднит «реалистов» XIX и XX веков.

⁸ M. Lenz. Die grossen Mächte. B. 1900, S. 121.

⁹ H. Delbrück. Vor und nach dem Weltkrieg. B. 1926.

¹⁰ Цит. по: W. Bussmann. Treitschke als Politiker. «Historische Zeitschrift», 1951, Hf. 2, S. 263.

¹¹ L. Dehio. Deutschland und Weltpolitik im 20. Jahrhundert. München. 1955, S. 42.

¹² «Wissenschaftliche Politik. Eine Einführung in Grundfragen ihre Tradition und Theorie». Freiburg. 1962, S. 198.

Многие из положений «силовой» концепции государства Ранке, будучи препарированы в соответствии с потребностями германского империализма в конце XIX — начале XX в. пангерманистами, а в 30-е годы — идеологами фашизма, послужили оправданием и теоретическим обоснованием применения самого откровенного насилия в межгосударственных отношениях.

Возникший в начале века разрыв между экономической силой Германии и ее политическим весом в системе европейского империализма послужил толчком к росту экспансионистских тенденций в ее внешней политике. Германия начинает активную подготовку к борьбе за передел уже поделенного мира. В арсенале идеологических средств, направленных на теоретическое обоснование и моральное оправдание политики германского империализма, по-прежнему видное место занимает верная традициям «прусской школы» историческая наука. В тот период особое значение приобретает разработанная Ранке концепция европейского «баланса сил», претендующая на объяснение основных закономерностей внешнеполитического поведения государств. Мировую политику, утверждал Ранке, определяет европейская политика, а политическая стабильность международной системы в целом зависит прежде всего от стабильности в европейском регионе. Основой политической стабильности является равновесие сил. Поэтому стремление к гегемонии или чрезмерное усиление любой европейской державы неизбежно ведет к возникновению процессов, направленных на нейтрализацию этих тенденций, то есть на восстановление равновесия.

В работах германских историков рассматриваемого периода — М. Ленца, Г. Дельбрюка, О. Хинтце, Ф. Науманна, Ф. Майнеке — основное внимание уделялось интерпретации этой концепции Ранке соответственно со сложившейся исторической обстановкой. Вследствие нарушения европейского «баланса сил», наступившего в результате укрепления Англии на море и Франции на суше, Германия, считали германские историки, должна выступить в роли государства-балансира с тем, чтобы восстановить равновесие сил в Европе и тем самым обеспечить мир. «Вооружение является лучшим средством устрашения против войны... — писал Г. Дельбрюк. — Если Германия строит свой собственный флот, то это соответствует не только ее интересам, поскольку она выполняет тем самым свою историческую миссию в мире»¹³. Аналогичные доводы приводил и О. Хинтце, который в своей работе «Германия и мировая война» неоднократно подчеркивал, что цели военных приготовлений Германии были продиктованы вовсе не стремлением к внешней экспансии, а лишь необходимостью создания эффективного противовеса Англии: «Германия не стремится к гегемонии, а лишь к сохранению равновесия сил... Равновесие сил на суше мы хотим дополнить равновесием сил на море»¹⁴.

Таким образом, весь сложный комплекс межимпериалистических противоречий накануне первой мировой войны в интерпретации германских историков предстает как обезличенное силовое противостояние государств, направленное на сохранение или изменение определенного «баланса сил».

Поражение Германии на некоторое время обескуражило германских буржуазных историков, поскольку реальная действительность, олицетворением которой стал Версальский договор, никак не соответствовала тому, что было предусмотрено в их работах. Одним из первых обрел «твердую почву» под ногами Ф. Майнеке. В изданной в 1919 г. книге «После революции» он писал, что послевоенную историю международных отношений, по-видимому, нельзя будет объяснить, исходя из традиционного толкования концепции «баланса сил», так как «существовав-

¹³ H. Delbrück. Das neue Europa. B. 1908, S. 89.

¹⁴ O. Hintze. Deutschland und der Weltkrieg. Leipzig — B. 1916, S. 91.

шая раньше тенденция к равновесию сил сменилась новой — стремлением к мировому господству»¹⁵. Этот тезис получил в послевоенный период довольно широкое распространение в немецкой буржуазной историографии, и работы ее представителей первого послевоенного десятилетия в большинстве своем сводились к различным вариациям на эту тему.

Растерянность немецких буржуазных историков перед лицом неожиданного для них поворота событий, откровенный пессимизм относительно будущей роли и места Германии в мировой политике явно не способствовали росту престижа традиционной историографии в Германии. В 30-е годы все большее значение приобретает геополитика, наиболее полно отвечающая политическим и идеологическим требованиям германского империализма, взявшего курс на подготовку новой мировой войны¹⁶. Но традиции немецкой исторической школы XIX в. не были похоронены. Линия, намеченная классической немецкой историографией, получила новый стимул развития после 1945 года.

Первые послевоенные годы были характерны для Западной Германии наличием своеобразного теоретического вакуума в области исследований международных отношений. Но, оправившись после шока, западногерманские историки почувствовали настоятельную потребность поделиться с широкой публикой своими соображениями относительно выводов, которые, по их мнению, следовало сделать из итогов войны как для Европы, так и для самой Германии. В 1947 г. Ф. Майнеке опубликовал книгу под символическим названием «Немецкая катастрофа». Будучи проникновенным исследователем и находясь все еще под непосредственным впечатлением разгрома гитлеровской империи во второй мировой войне, он пытался провести мысль об ответственности немецкой буржуазии за установление фашистской диктатуры в Германии, близко подойдя, таким образом, к правильной постановке вопроса о причинах возникновения второй мировой войны.

Но эти попытки были настолько робки и непоследовательны, что, когда Майнеке, ученик и последователь Ранке, вновь вернулся к этой излюбленной для него тематике, весь сложный комплекс противоречий в мировой политике накануне второй мировой войны с легкостью уместился у него в рамках уже знакомого нам «вечно» действующего закона «борьбы за силу». По Майнеке, вся история борьбы государств на мировой арене — это всего лишь слепок с процесса развития идей макиавеллизма, представляющих собой «вневременное, общечеловеческое явление». Внешняя политика нацистской Германии означает всего лишь «переход к массовому, тотальному макиавеллизму». Основной порок такой политики, по его мнению, заключается в том, что стремление к силе становится «самоцелью», в то время как сила, считает он, оправдана лишь в том случае, «если находится на службе высших духовных ценностей человечества»¹⁷. Повторяя основные идеи своего учителя Ф. Майнеке, Л. Дехио утверждал, что причина двух мировых войн заключается в нарушении главного принципа политической стабильности — равновесия сил. Немецкую историографию он обвиняет в игнорировании этой «объективной закономерности» и популяризации «волюнтаристских планов установления гегемонии в Европе»¹⁸. Примерно в том же духе были выдержаны и работы ряда других западногерманских историков.

Критический элемент по отношению к традиционным теоретико-методологическим принципам немецкой буржуазной историографии, который присутствовал в некоторых работах того периода, не мог привести к их принципиальному пересмотру, поскольку все попытки такого рода

¹⁵ F. Meinecke. Nach der Revolution. München — В. 1919, S. 76.

¹⁶ См. Г. Гейден. Критика немецкой геополитики. М. 1960; Л. Моджорьян. Геополитика на службе военных авантюров. М. 1974.

¹⁷ F. Meinecke. Das deutsche Katastrophe. Wiesbaden. 1947, S. 36.

¹⁸ L. Dehio. Gleichgewicht oder Hegemonie. Frefeld. 1948, S. 12.

осуществлялись в рамках идеалистического взгляда на исторический процесс, сопровождались принципиальным отказом видеть какую-либо существенную связь между господством империалистической буржуазии в Германии и теми национальными катастрофами, которые пришлось пережить немецкому народу.

На рубеже 40-х и 50-х годов начинается новый этап развития западногерманской политической мысли. Усиление «холодной войны», образование сепаратного боннского государства, нарастание реакции в нем, восстановление позиций германского империализма на западе страны и рост его влияния в капиталистическом мире, подготовка, а затем и осуществление вооружения Западной Германии — все это определило характерные черты того периода. В теории на смену интеллектуальным «импровизациям» историков классического плана типа Ф. Майнеке, Л. Дехио и др. приходят концепции, прямо призванные оправдать западногерманский империализм и милитаризм, обосновать необходимость вооружения ФРГ в целях борьбы с «угрозой коммунизма» и возвращения «отторгнутых» территорий. В этот период в ФРГ практически отсутствуют работы теоретического характера, ставящие своей целью подвергнуть сколько-нибудь критическому анализу основы внешнеполитического курса страны. Как отмечает западногерманский историк В. Бессон, «специфика ситуации заключалась в том, что рассмотрение принципиальных вопросов западногерманской внешней политики носило пропагандистско-публицистический характер и не имело ничего общего с действительно научным исследованием»¹⁹. Всякая «теория» служит отныне целям идеологического оправдания и обоснования внешней политики правящих кругов, стремящихся, опираясь на «атлантическую солидарность», превратить реваншистские требования восстановления границ 1937 г. в программу НАТО, реализовать свои планы «воссоединения» Германии, ставящих перед собой цель добиться оснащения бундесвера ракетно-ядерным оружием.

Свой «вклад» в идеологическое оправдание возрождения западногерманского милитаризма и реваншизма внесла и немецкая буржуазная историография. На рубеже 40-х и 50-х годов в ней происходит резкое нарастание откровенно реакционных тенденций. Наибольшее влияние приобретают сторонники консервативного направления (Г. Обэн, В. Хубач, В. Герлиц и др.) во главе с Г. Риттером. Центральным пунктом концепции историков этого направления является защита «пруско-германских» традиций империализма. «Ревизия немецкого исторического прошлого», о которой под влиянием краха гитлеровской Германии вынужден был говорить и сам Риттер, длилась для него и его сторонников весьма непродолжительное время и была крайне робкой. Теперь он в стыки встречал любые выступления против этих традиций, даже если они носили умеренный и частичный характер. Какая-либо связь предшествующей истории Германии с развитием и приходом к власти национал-социализма им отрицалась. Фашизм, по мнению Г. Риттера, является результатом действия «иррациональных сил, которые вообще превосходят рациональное в области политики, во всяком случае в XX в., в эпоху повсеместной демократии масс»²⁰. Прославление прусских традиций сочетается у Риттера с реваншистскими лозунгами, с едва замаскированными призывами к новому походу на Восток. Историки-консерваторы учитывают, что изменение в соотношении сил на международной арене исключает для Западной Германии надежду на реализацию этих планов своими силами. Даже наиболее националистически настроенные запад-

¹⁹ W. Besson. Prinzipienfragen der westdeutschen Aussenpolitik. «Politische Vierteljahresschrift», 1968, Hf. 1, S. 29.

²⁰ G. Ritter. Geschichtsunterricht oder Gemeinschaftskunde? Frankfurt/M. 1956, S. 288.

ногерманские идеологи считают необходимым в этих условиях заручиться поддержкой США, обеспечить для Западной Германии участие в империалистических военных блоках.

Но укрепление позиций мирового социализма, а также прочность социального строя и рост международного авторитета ГДР в сочетании с обострением противоречий между ФРГ и ее союзниками по НАТО,— все это уже в первой половине 60-х годов поставило перед западногерманской внешней политикой ряд серьезных проблем. В этих условиях от западногерманских идеологов требовались более гибкие методы защиты тогдашнего внешнеполитического курса правящих кругов ФРГ.

В конце 50-х годов влияние консервативного направления в немецкой буржуазной историографии, хотя и продолжает оставаться значительным, дополняется влиянием постепенно выступающего на первый план псевдолиберального направления. Его наиболее видными представителями являются Г. Ротфельс (председатель западногерманского союза историков в 1958—1962 гг.), Т. Шидер, В. Конце, К.-Д. Эрдман, Т. Эшенбург, В. Бессон, Г. Краусник, Г. Моммзен и др. С начала 60-х годов историки-«либералы» особенно активно участвуют в работе правительственных и полуправительственных учреждений ФРГ. Их идеи оказывают заметное влияние на формирование внешнеполитического курса правительства. Они находят поддержку и у правого руководства СДПГ²¹.

Не входя в тонкости дискуссий по методологическим вопросам, которые ведут между собой историки обоих направлений, отметим основные черты, характеризующие общую политическую ориентацию «либералов». При сохранении в основном идейно-политического багажа Ранке и других «классических» представителей реакционной немецкой историографии, историки, относящиеся к этому направлению, заявляют о необходимости отказа от «узких рамок национального мышления» и перехода к оценке исторических событий с позиций «западного мира» в целом. Если реваншизм, являющийся составной частью обоих направлений, у историков-консерваторов облечен в сугубо националистические формы, то у сторонников псевдолиберального направления он выступает в форме призывов к «решению восточноевропейских проблем» как «общеевропейской», «западной» задачи. Большое внимание в работах «либералов» уделяется новой интерпретации роли Бисмарка. Г. Ротфельс, считающийся крупнейшим в ФРГ «бисмарковедом», пытается представить Бисмарка «великим европейцем». Ротфельс, Шидер и другие изображают его предвестником «интегрированной» Европы, объединенной против России, подчеркивая и ту роль, которую Бисмарк сыграл в борьбе с революционным движением²². И историки-консерваторы и сторонники Ротфельса в оценке «прусского наследия» исходят из необходимости обосновать усиление роли Западной Германии в системе «атлантического сообщества». Разница между ними в том, что первые делают упор на руководящей роли ФРГ в Европе, вторые же поддерживают примат прочного союза с США.

Традиции немецкой исторической школы XIX в. не утратили своей привлекательности для правящих кругов Западной Германии и в более поздний период. Как справедливо отмечал А. С. Ерусалимский, «и поныне неоранкеанство как главное направление в немецкой буржуазной историографии воплощает в себе общие идеологические устремления германского империализма на различных этапах его развития»²³.

²¹ Л. Штерн. Остфоршунг и восточная политика Бонна. «Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 183.

²² Подробнее см. Н. Черкасов. К оценке современного состояния западногерманской историографии. «Методологические и историографические вопросы исторической науки». Томск. 1966.

²³ А. С. Ерусалимский. Германский империализм: история и современность. М. 1964, стр. 577.

Примерно в начале 60-х годов рассмотрение вопросов, связанных с исследованием международных отношений, выходит в ФРГ за рамки традиционной историографии. Вслед за США почти повсеместно в Западной Европе наблюдается становление нового — комплексного — подхода к исследованию международных отношений, получает развитие новая отрасль политической науки — теория международных отношений. Ее становление было связано с увеличением удельного веса внешнего фактора во всех областях общественной жизни, с потребностью более глубокого осмысления всего комплекса происходящих в международной сфере процессов с целью активного воздействия на их развитие, со стремлением использовать новейшие достижения науки в интересах внешней политики империализма.

В ФРГ о теории международных отношений как о самостоятельной дисциплине начали говорить сравнительно недавно. Первые публикации по данной проблематике появились здесь в конце 50-х годов, но в большинстве случаев они сводились к пересказу работ американских авторов. В предисловии к книге одного из основоположников американского «политического реализма», Г. Моргентау, «Политика между нациями» (в немецком издании она вышла под названием «Сила и мир») Э. Киндерманн не без основания пишет, что сколько-нибудь оригинальные исследования, появившиеся в этот период на страницах научных изданий в ФРГ, «можно было пересчитать на пальцах одной руки»²⁴.

Наблюдающийся с середины 60-х годов повышенный интерес западногерманских ученых к разработке теоретических проблем международных отношений, по-видимому, не в последнюю очередь был связан с теми практическими задачами, которые встали в этот период перед внешней политикой ФРГ. Несостоятельность прежних внешнеполитических установок, попытки дальнейшей реализации которых не только не могли привести к успеху, но и грозили ФРГ политической изоляцией даже в кругу ее западных союзников, наводила на мысль о необходимости нового подхода к исследованию международных отношений на основе выявления и учета действующих здесь долговременных тенденций и закономерностей. Эта задача была тем более актуальна, что специфика положения ФРГ в системе европейских государств определяет особенно тесную зависимость ее внешней политики от хода международных событий в целом, от эволюции соотношения и расстановки сил двух социальных систем, от изменений в общей империалистической стратегии по отношению к мировому социализму. В этих условиях и для политического руководства ФРГ со всей остротой встал вопрос о расширении и углублении теоретической базы практической политики. Подчеркивая актуальность этой задачи, В. Шеель (тогда еще министр иностранных дел ФРГ) писал: «Вследствие нашего географического положения и исторического прошлого факторы обусловленности нашей внешней политики куда более значительны, нежели степень ее автономности»²⁵.

В этот период существенно меняется и характер воздействия «политического реализма» на западногерманскую внешнюю политику. Заметные изменения в трактовке «реалистической» доктрины начинают происходить в ФРГ со второй половины 60-х годов. Самый факт образования в 1966 г. правительственной коалиции с участием СДПГ свидетельствовал о том, что и для значительной части правящих кругов ФРГ все более очевидным становится кризис внешнеполитических установок «эры Аденауэра». Все ошутимее становятся разногласия по центральным внешнеполитическим вопросам между западногерманскими «реалистами» в зависимости от их партийной принадлежности. «Атланти-

²⁴ H. Morgenthau. Macht und Frieden. Gütersloch. 1963, S. 20.

²⁵ W. Scheel. Aussenpolitische Teilbilanz: Wo stehen wir heute? «Aussenpolitik», 1971, № 5, S. 259.

стам» и «европеистам» из рядов ХДС/ХСС, чьи доктрины по-прежнему базируются на пресловутом мифе о «советской угрозе», необходимости «воссоединения» Германии и непризнания европейских границ, противопоставляются более гибкие, основанные на более трезвом учете сложившегося в мире и в Европе соотношения сил внешнеполитические концепции руководства социал-демократической партии. Как отмечает В. Бессон, в ней в этот период крепнет убеждение в необходимости «строгого соответствия между целями, возможностями и средствами во внешней политике»²⁶.

С приходом к власти правительства под руководством В. Брандта этот принцип получил более последовательное воплощение не только в теории, но и в политике. Г. Шмидт в своей книге «Стратегия равновесия» так сформулировал общую задачу, стоящую перед западногерманским руководством: «необходимо противопоставить рациональное изучение реальных возможностей эмоциональному волюнтаризму и иллюзиям»²⁷.

Характер эволюции доктрины «политического реализма» в ФРГ в значительной степени отражает общий процесс переоценки ценностей, который под влиянием объективных реальностей международной обстановки происходит сегодня на Западе как в области внешнеполитической теории, так и в сфере политики. В результате изменений в соотношении сил в мире все более сужается сфера использования военной силы в интересах империалистической внешней политики. С реальностью этого факта вынуждены считаться сегодня и многие буржуазные политики. Известный западногерманский государственный деятель и историк В. Грехе пишет в этой связи: «Следует избегать ошибочного вывода: отождествлять политическую силу с военной или даже исключительно с ядерной мощью»²⁸.

Сегодня значительная часть западногерманских политиков и теоретиков склоняется к мнению, что в нынешних условиях в мировой политике все большее значение приобретают невоенные факторы силы — политические, экономические, психологические, моральные и т. д. Признание того факта, что в современных международных отношениях происходит сужение внешнеполитических функций военной силы²⁹, существенно повлияло на перестройку политического курса ФРГ, начатую правительством «малой коалиции» на рубеже 60-х и 70-х годов. В то время как теоретики из рядов ХДС/ХСС в своих планах по-прежнему исходили из необходимости «сдерживания путем устрашения» как единственной основы так называемой политики безопасности, а в качестве обязательного предварительного условия любых переговоров с социалистическими странами выдвигали требование о создании на Западе эффективной «силовой платформы» на базе политической и военной интеграции Западной Европы, руководство СДПГ и СвДП более трезво подходило к оценке реально существующего соотношения сил в Европе и возможных негативных последствий односторонней ориентации на военно-политические инструменты обеспечения «стратегии равновесия».

Отстаивая один из постулатов «реалистической» теории о том, что единственно надежной гарантией мира и стабильности международной системы является равновесие сил, теоретики из лагеря правительственной коалиции в то же время выступали против отождествления этого понятия с исключительно военным равновесием. Западногерманские авторы отмечают, что в структурном отношении современная система «баланса сил» состоит как бы из ряда подсистем различного уровня — глобаль-

²⁶ W. Besson. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik. München. 1970, S. 102.

²⁷ H. Schmidt. Strategie des Gleichgewichts. Stuttgart. 1969, S. 20.

²⁸ W. Grewe. Spiel der Kräfte in der Weltpolitik. Düsseldorf. 1970, S. 23.

²⁹ См. W. Brandt. Friedenspolitik in Europa. Frankfurt/M. 1968, S. 25.

ного, регионального, в отдельных районах, между отдельными странами и группами стран. Верхний уровень характеризуется сегодня известной стабильностью, в основе которой находится динамическое равновесие стратегических ядерных потенциалов СССР и США. Существование такого равновесия Г. Шмидт называет «основным стратегическим правилом эпохи, которое необходимо учитывать всякому государству в своей внешнеполитической деятельности»³⁰.

Но очевидно, что в условиях «ядерного тупика» стратегическое равновесие между СССР и США является определяющим, главным, однако не единственным показателем общего «баланса сил», требующего учета соотношения сил на всех более низких уровнях, где существенную роль, помимо тактического ядерного оружия и обычных вооружений, играет целый комплекс политических, экономических, моральных, психологических и других факторов. Специфику сегодняшней ситуации отмечают и западногерманские исследователи. «Современная система баланса сил является не чисто военным равновесием, а скорее неравновесием, стабилизируемым на различных уровнях посредством политических и других факторов»³¹, — пишет К. Эрдментер.

Разумеется, трактовка западногерманскими стратегами-теоретиками проблемы соотношения сил на международной арене полна существенных, а часто и принципиальных изъянов. Процесс борьбы за изменение соотношения сил в мире буржуазные авторы нередко пытаются представить как обезличенное силовое противостояние государств за обеспечение своих «национальных интересов». При таком подходе сущность всякой внешней политики сводится к «борьбе за силу» или «стремлению к равновесию». В работах западных теоретиков международных отношений не учитывается, а зачастую и сознательно игнорируется социально-политический характер происходящих на международной арене сдвигов в соотношении сил, связанных с укреплением мирового социализма, подъемом мирового рабочего и освободительного движения, активизацией демократических движений.

Но при всей очевидной ограниченности концепции «баланса сил» в качестве исходной теоретической модели для объяснения происходящих в международной сфере процессов трезво мыслящие западногерманские теоретики — ученые и политики — не могли не сделать ряд реалистических выводов, имевших непосредственное значение для изменения внешнеполитического курса ФРГ. Суть этих выводов можно свести к следующему: во-первых, проблема соотношения сил не исчерпывается соотношением только военной силы, во-вторых, одно лишь военное равновесие не гарантирует полностью стабильности международной системы, в-третьих, соотношение сил в мире перестало сводиться к балансу потенциалов великих держав и в значительной мере формируется под влиянием всех других государств, в-четвертых, величина военного потенциала того или иного государства не обязательно прямо пропорциональна его политическому весу и влиянию, в-пятых, в результате сужения внешнеполитических функций военной силы в современной международной политике все большее значение приобретают невоенные факторы силы. Более конкретную политическую направленность с учетом задач, стоящих непосредственно перед ФРГ, эти выводы приобрели в активно проповедваемой западногерманскими «реалистами» теории «средних держав», претендующей на объяснение основных закономерностей внешнеполитического поведения ФРГ в наши дни.

Усиление тенденции к разрядке международной напряженности уменьшает опасность военного конфликта между Востоком и Западом и

³⁰ H. Schmidt. Op. cit., S. 20.

³¹ «Aussenpolitische Perspektiven des Westdeutschen Staates». Bd. 1. Das Ende des Provisoriums. München. 1971, S. 48.

тем самым, как резонно утверждают западногерманские теоретики, ведет к относительному снижению значения ядерных гарантий США, то есть увеличивает свободу внешнеполитического маневра средних и малых государств. Отсутствие у великих держав реальной возможности в полном объеме использовать свой военный потенциал для достижения тех или иных внешнеполитических целей способствует повышению роли невоенных факторов силы, что, в свою очередь, увеличивает «конкурентоспособность» средних государств. Исходя из этой ситуации, средние державы должны стремиться к тому, чтобы «сделать еще более эффективной собственную силу, основанную преимущественно не на военных факторах... а для этого надо создать условия, когда экономика играет большую роль, чем военная сила»³². В этих условиях задача средних государств определяется необходимостью способствовать поддержанию определенного уровня политической стабильности, которая является предпосылкой и основой роста их внешнеполитической активности. Поддержание политической стабильности, в понимании западногерманских теоретиков, предполагает прежде всего активное участие в системе военного баланса сил. Применительно к западногерманской внешней политике это означает продолжение активного сотрудничества ФРГ в рамках НАТО. Долгосрочный характер факторов, определяющих принципиальную позицию ФРГ по отношению к НАТО, неоднократно подчеркивался в заявлениях правительств «малой коалиции».

В то же время западногерманские стратеги считают, что в настоящих условиях политика, ориентированная исключительно на поддержание военного баланса сил, не отвечает интересам средних государств, поскольку предполагает высокий уровень их военно-политической зависимости от великих держав. «Неумеренность в расстановке акцентов в вопросе о роли военных факторов политики безопасности в некоторые периоды послевоенных лет негативно воздействовала на гибкость внешней политики боннского правительства»³³, — вынужден был признать Г. Шмидт. Поэтому выдвигается тезис о необходимости дополнить военные инструменты «стратегии равновесия» политическими, то есть активного включения средних государств в процесс разрядки. Для ФРГ это означало коренную перестройку ее «восточной» политики. Эта перестройка, осуществленная на рубеже 60-х и 70-х годов правительством Брандта — Шееля и нашедшая свое отражение в серии договоров с социалистическими странами, явилась, с одной стороны, следствием изменений в соотношении сил, а с другой — была связана с расчетами западногерманского руководства на уменьшение зависимости ФРГ от своих западных союзников, и прежде всего от США, с расчетами на создание благоприятных условий для повышения невоенных — экономических, политических, моральных — факторов силы ФРГ, на увеличение маневренных возможностей в «мирном наступлении» на социализм.

В период, когда у власти находилось правительство Брандта — Шееля, традиционные элементы «атлантической политики» ФРГ и активизация «восточной» политики были дополнены рядом новых мероприятий в области укрепления и интенсификации темпов западноевропейской интеграции. Именно на рубеже 60-х и 70-х годов усиливается тенденция к увеличению удельного веса «западноевропейского» элемента в общей системе внешнеполитических приоритетов ФРГ. Уже в одном из первых своих выступлений в качестве федерального канцлера В. Брандт со всей определенностью сформулировал основное стратегическое направление внешнеполитической активности ФРГ: для Западной Германии «цель достижения западноевропейского единства имеет первостепенное значе-

³² «Mittlere Mächte in der Weltpolitik». Opladen. 1969. S. 151.

³³ «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», № 21, Februar 16, 1972, S. 257.

ние»³⁴. В дальнейшем этот тезис находил неоднократное подтверждение в выступлениях лидеров «малой коалиции»³⁵. В теории выдвижение на передний план «европейского» направления обосновывается необходимостью объединения потенциалов западноевропейских государств, с тем чтобы превратить Западную Европу в самостоятельный «центр силы», если и не равный великим державам, то по крайней мере сравнимый с ними. Этот путь, как считают западногерманские политики и теоретики, не только служит задаче непосредственного укрепления позиций ФРГ в Западной Европе, но и должен открыть ФРГ наиболее эффективные в современных условиях возможности участия в «большой политике».

Таким образом, в рамках рассмотренных выше концепций западногерманских «реалистов» речь шла, по существу, о новом переосмыслении содержания, функций и взаимосвязей трех основных направлений внешней политики ФРГ: «атлантического», «западноевропейского» и «восточного». Причем, несмотря на бесспорную взаимозависимость и самостоятельную политическую нагрузку каждого из трех направлений, «атлантической» и «восточной» политике была отведена роль опор, создающих условия для возможности концентрации основных усилий на «западноевропейском» направлении как наиболее перспективном с точки зрения укрепления позиций ФРГ в европейской и мировой политике. Несмотря на некоторые, иногда весьма существенные, отклонения от этой, бесспорно, весьма условной схемы, связанные с обострением разногласий и конкурентной борьбы между европейскими партнерами, необходимостью решения задач на других направлениях, сохраняется принципиальная стратегическая ориентация западногерманских правящих кругов на приоритет интеграционной политики в Западной Европе как наиболее эффективного пути повышения удельного веса ФРГ в «большой политике».

В целом же «политический реализм», будучи поставлен на службу основной цели империалистической внешней политики — борьбе с мировым социализмом и национально-освободительным движением, в современных условиях вместе с тем более четко отражает стремление правящих кругов ФРГ трезво учитывать реальное и объективное соотношение сил в мире и строить свою стратегию и тактику с учетом не только настоящих, но и будущих изменений.

³⁴ Ibid., № 132, October 29, 1969, S. 1128.

³⁵ Ibid., № 6, Januar 19, 1973, S. 45; № 60, Mai 18, 1974, S. 598.